

УДК 94(436).08

Карин А.Д., соискатель, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск (Россия)

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА Т.Г. ШЕВЧЕНКО В РАБОТЕ Ф.И. СВИСТУНА «ЧЕМ ЕСТЬ ДЛЯ НАС ШЕВЧЕНКО?» 1885 г.

Статья посвящена изучению мировоззрения видного деятеля русофильского движения Филиппа Ивановича Свистуна и его взглядов на личность Т.Г., Шевченко. В своей книге «Чем есть для нас Шевченко?» известный галицкий писатель, историк и общественный деятель попытался показать значимость творческого наследия поэта для развития русинской культуры, образования и воспитания молодежи. Филипп Иванович дал свою интерпретацию творчества известного поэта, выделяя, по его мнению, отрицательные и положительные моменты в его поэзии. Так, согласно его убеждению, она характеризовалась с одной стороны глубоким патриотизмом, идеализацией казачества, защитой семейных ценностей и осуждением крепостного права. С другой стороны автор подчеркивал свойственные ей нигилизм, бунтарство, а так же глубоко чуждые ему антимонархические и антиимперские идеи. Разумеется, данная интерпретация субъективна и носит в целом оценочный характер. Но именно это обстоятельство и придает особый интерес книге Свистуна т. к. она позволяет лучше понять те идеи и принципы, которые отстаивало русофильское движение Восточной Галиции и Буковины в исследуемый период.

Ключевые слова: Восточная Галиция, русины, национальная идентичность, Ф.И. Свистун, Т. Г. Шевченко.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-168-177

Английский историк, исследователь национализма Э. Смит утверждает, что огромную роль для всех наций и национальных движений играют общие «мифы» к примеру, такие как миф, о героях, общем происхождении, «Золотом веке» и др. [7]. Это положение применимо, в том числе к национальной литературе, и становится особенно хорошо видно, при обращении к фигуре национального поэта. Для национальных движений многих народов было характерно возникновение на определенном этапе фигуры национального поэта, личность и

произведения, которого становились символами объединяющими нацию. Именно такую объединяющую роль играли И. Гете для немцев и А. Мицкевич для поляков. Для австрийских русинов по-этом номер один, внесшим огромный вклад в развитие их культуры стал Т. Г. Шевченко. Именно знакомство с его произведениями оказало серьезное влияние не только на культурную, но и на общественную жизнь Восточной Галиции и Буковины.

До начала 60-х гг. XIX в. шевченковская поэзия была до-

стоянием лишь не многих интеллектуалов и не получила еще широкого распространения в Галичине. Все изменилось весной 1862 г., когда несколько экземпляров петербургского «Кобзаря» (1860 г.) было привезено во Львов купцом и меценатом М. Диметом. Знакомство с содержанием книги произвело большое впечатление на галичан, она быстро стала дефицитной, ввиду чего получила большое распространение в рукописных списках. Тогда же отдельные шевченковские произведения начали публиковаться и в галицких газетах: «Слово», «Вечерница», «Мета», «Русалка» и др. Известный писатель и публицист Остап Терлецкий впоследствии вспоминал об этом времени: «Всех громкая муза великого поэта как клещами тянула к себе, и все мы тогда заделались горячими хлопотниками. Даже удивительно вспоминать, как одна газета, несколько книжечек вмиг перевернули все наше мировоззрение вверх ногами и совершили революцию в наших головах» [5, с. 102].

В 60-х гг. XIX в., как известно, галицкая интеллигенция раскололась на два лагеря — старорусинов или русофилов, и народовцев или украинофилов. Каждый из упомянутых лагерей отстаивал свою версию национальной идентичности восточнославянского населения Восточной Галиции и Буковины. Русофилы причисляли их к русскому народу, проживавшему, согласно их мировоззрению от Карпат до Камчатки. Народовцы напротив

настаивали на национальной самостоятельности русинов-украинцев и их принципиальной отличности от великороссов. Если для народовцев Т. Шевченко стал непререкаемым, авторитетом, гением и даже пророком, то отношение к нему их оппонентов было не столь однозначным и уже рассматривалось нами в отдельной статье [2, с. 327]. Книга Филиппа Ивановича Свистуна «Чем есть для нас Шевченко?» является, пожалуй, наиболее подробной работой представителя русофильского движения посвященной творчеству великого поэта и может представлять большой интерес для историков [4].

Филипп Иванович Свистун (1844-1916) родился в крестьянской семье в селе Тоболове Каменка-Бугского уезда. Гимназию и университет он окончил во Львове, после чего преподавал географию и историю в Ряшевской гимназии. После ухода в отставку был директором библиотеки Русского Народного Дома во Львове. Умер в Ростове-На-Дону, куда уехал в годы Первой мировой войны, опасаясь возможных репрессий со стороны австрийских властей [1, с. 51]. Свистун являлся автором множества исторических и публицистических работ. Наиболее значительной из них были его двухтомная «Прикарпатская Русь под владением Австрии», основанная на множестве исторических источников и содержащая подробнейшую информацию по истории русинов Галиции, Буковины и Прикарпатья [3].

Приступая к рассмотрению интересующей нас темы Филипп Иванович задается следующими вопросами: «Чем есть для нас, для Галицкой Руси, Шевченко? Имеет ли культ его основания? Заслуживают ли его творения, так по-разному оцениваемые, той высокой ценности, которую им приписывают? Принесут ли они нам пользу или вред? Вот вопросы на которых нам следует остановиться...» [4, с. 3]. По мере изложения материала автор предлагает своим читателям подробнейшие ответы на эти и другие вопросы. По его мнению, первое «пробуждение» Галицкой Руси и оживление ее народной жизни, связанное с революцией 1848 г. было весьма поверхностным. В 50-60 гг. XIX в. учащаяся русинская молодежь все еще предпочитала читать книги преимущественно на польском и немецком языках, а в повседневном общении чаще всего использовала тот же польский язык. Однако распространение в Галичине сочинений писателей-украинофилов повысило привлекательность русинской культуры в глазах значительной части учащейся молодежи и местной интеллигенции. Этот процесс способствовал постепенному формированию новой идентичности, основанной на героизации казачьего прошлого, что в свою очередь способствовало ослаблению влияния польских исторических мифов.

Происходившие в области культуры процессы, оказали непосредственное влияние, в том числе на судьбу и мирозерцание самого автора, пробудив в нем,

как и в его ровесниках, национальное самосознание: «Разом с другими учениками русской народности употреблял он (автор. — А.Д.) в школе и вне школы в разговоре исключительно польский или немецкий языки. Просиживая в свободное от наук время в читальне библиотеки Оссолинских и читая польских поэтов и повестиписателей, проникся он совершенно духом польским, так что, наконец, стал чужим для своего народа, предпочитал костел церкви и стал даже стыдиться своего обряда, своего языка и русского происхождения. Не удивительно, если потом в 1861 г., когда с введением конституционной жизни в Австрии польское общество взволновалось, и развернуло в крае сильную агитацию с настойчивостью стремясь не только к верховенству в Галичине, но и к восстановлению давней Речи Посполитой, многие из молодежи русской надели конфедератки, пели в костелах польские патриотические песни и принимали участие в польских демонстрациях на улицах города... Все это если не совершенно исчезло, то, по крайней мере, было низведено до незначительных размеров, когда молодежь познала поэта Шевченко» [4, с. 9].

Успех шевченковской поэзии был связан не только с талантом литератора, но и с тем, что герои многих его произведений были именно крестьянами, представителями простого народа. Это вызывало естественную симпатию

галицких русинов, лишенных собственного дворянства и представленных в основном крестьянством и духовенством. В свою очередь одной из причин меньшей популярности великорусской литературы в Галиции по сравнению с украинской, по мнению Свистуна, является то, что русские писатели в основном в своих произведениях, изображали жизнь именно высших классов общества. Среди других причин он также выделял политику австрийских властей препятствующую распространению книг на литературном русском языке и достаточно плохое знание великорусского языка большинством населения региона. Книги украинофильских авторов напротив оказались более понятными простым людям, так как их язык был значительно ближе к галицкому наречию, чем великорусский. Вместе с тем автор рассматривает украинскую литературу, как региональный вариант общерусской, а украинцев считает неотъемлемой частью русского народа. Согласно его оценке распространение украинских книг, несмотря на содержащиеся в отдельных произведениях «сепаратистские» идеи способствовало русификации галичан, так как язык этих книг содержал большое количество слов общих с великорусским, которые, тем не менее, отсутствовали в галицком наречии. Так же у читателей возникал естественный интерес к политической и культурной жизни Российской империи, опи-

сываемой в произведениях украинских писателей, что опять же способствовало русификации и ослаблению польского влияния.

Само украинофильское движение согласно авторской концепции, является ничем иным, как региональным вариантом романтизма со всеми характерными для этого культурного явления чертами. Отсюда идеализация исторического прошлого, интерес к культуре и языку простого народа, критика существовавшей на тот момент политической и социальной организации общества. «Идея народности подвела образованные классы к вопросу: что нужно понимать под «нацией», как определить это понятие, как далеко простирается русская «нация»? Поскольку между наречиями великорусским и малорусским есть некоторое различие, то ссылаясь на языковые различия и определенные особенности, свойственные велико- и малороссам, южнорусские писатели легко могли прийти к мысли об образовании отдельной «нации» — малорусской...» [4, с. 27].

Все эти черты свойственные романтизму нашли свое отражение в поэзии Шевченко, а национальные идеи, распространенные среди членов Кирилло-Мефодиевского общества во многом сформировали его мировоззрение. В то же время в его произведениях помимо национальных идей присутствовали так же ярко выраженные социальные мотивы, выразившиеся в большом внимании к угнетенному положению простого народа, связанного с крепостным правом и

феодалным гнетом. Помимо ностальгии по казачеству поэт подвергал в своем творчестве жесткой критике, как отдельных монархов, так и монархический режим в целом. В первую очередь критика была направлена против таких видных деятелей российской истории, как Петр I и Екатерина II, которые в знаменитой шевченковской поэме «Сон», как известно, были изображены в крайне нелицеприятном свете. Односторонне негативная оценка правления данных монархов, объясняется тем, что Петр после его конфликта с Мазепой существенно ограничил права казаков, а Екатерина II уничтожила Запорожскую Сечь.

Неудивительно, что такая политика, превращала Петра I и Екатерину II, в «антигероев» для ревнителей казачьего мифа. Она трактовалась ими в первую очередь, как покушение на свободу и проявление тирании. Свистун не соглашается с таким мнением, полагая, что оно вызвано не критическим, романтическим взглядом на историю. Именно Мазепу он называет нарушителем переяславского договора, а меры по централизации и ограничению местных вольностей необходимыми для развития, как всего государства, так и его отдельных частей: «...Украина, представлявшая прежде руину, разоряемая татарами стала житницей Европы. Исчезли разбойничьи степные народы, везде сегодня господствует безопасность, Южная Россия стала цветущую землю, которая привлекает пришельцев от других народов... Сопоставьте с

этим те времена, когда казаки были «вольными». С одной стороны нападают на них поляки, чтобы их превратить в холопов с другой стороны татары своими набегами, уничтожают все плоды труда, мирных жителей и тысячи селян обоего пола идут в ясырь, чтобы в турецких городах погибнуть в тяжелой неволе. За время Яна Казимира польско-русские земли были опустошены настолько, что путешественник целыми днями не видел не обители человеческой, ни существа указующего на жизнь. Если к этому прибавить споры между шляхтою, различные «съезды» и недостаток всякой справедливости в судах, что лучше всего сам Хмельницкий почувствовал, то легко себе можно представить образ «таинственного раю» о котором мечтал Шевченко» [4, с. 45-46].

Ввиду отсутствия у Шевченко систематического образования его взгляды на историю и политику характеризуются автором, как «путанные». На становления его исторических воззрений решающую роль оказали казацкие летописи, политические либеральные идеи XIX в. имеющие в своей основе мировоззрение французских энциклопедистов, а также некоторые из античных авторов. Именно отсюда проистекают радикально антимонархические мотивы, в творчестве литератора особенно ярко проявившиеся в стихотворении «Пророк», в котором Бог устанавливает власть монарха в качестве наказания за грехи народа. Другая причина появления этих мотивов

связана с существовавшим на тот момент в царской России крепостным правом. Ответственность за которое, литератор во многом возлагал именно на царское правительство [4, с. 57-59].

Филип Иванович, будучи человеком консервативных и умеренно монархических взглядов по мере повествования вступает в полемику с поэтом, пытаясь доказать, что защищаемые им идеалы вольности являются проявлением нигилизма и противоречат естественному порядку вещей. Напротив монархия, по его мнению, не только соответствует учению христианской церкви, но и стремится ограничить произвол богатых и сильных в отношении слабых и бедных. Ослабление центральной власти в свою очередь нередко приводит к ухудшению жизни простых людей, что хорошо видно на примере политической жизни его родной Галиции: «С введением конституционализма, из-за крайней политической неразвитости масс, у нас в Галичине на политическом поле наибольший вес приобрела шляхта или собственно несколько магнатских домов, как обычно бывает в таких случаях, если нет равновесия между стихиями и своеволие одного, не обуздывается другим. Среди знатных семейств нашего края сформировалось в некоторой степени самовластие, которое очень сильно чувствуется как в общественных, так и в частных делах» [4, с. 82].

Из политических воззрений Шевченко в позитивном ключе автор отзывается, пожалуй, только

об его панславистских наклонностях возникших у него под влиянием Кирилло-Мефодиевского общества. Уже его поэма «Еретик» (1845) как известно, была пропитана панславистскими идеями и образами. В поэме кроме всего прочего прославлялась деятельность чешского ученого-слависта П. Й. Шафарика одного из идейных вдохновителей различных панславистских течений:

Прозрів еси
В попелі глибоко
Огонь добрий смілим серцем,
Смілим орлім оком!
І засвітив, любомудре,
Світоч правди, волі...
І слав'ян сім'ю велику
Во тьмі і неволі
Перелічив до одного,
Перелічив трупи,
А не слав'ян. І став еси
На великих купах,
На розпутті всесвітньому
Іезекіїлем,
І — о диво! трупи встали
І очі розкрили,
І брат з братом обнялися
І проговорили
Слово тихої любові
Навіки і віки!
І потекли в одно море
Слав'янські ріки! [6, с. 30].

Шевченко пропагандировал идеалы братства и единства различных славянских народов. Несмотря на непростую историю взаимоотношений, он не питал ни малейшей неприязни к полякам, полагая что основными виновниками конфликта между поляками и казаками является фанатичное

духовенство и религиозная нетерпимость:

Ще як були ми козаками,
А унії не чуть було,
Отам-то весело жилось!
Братались з вольними ляхами,
Пишались вольними степами,
В садах кохалися, цвіли,
Неначе лілії, дівчата.
Пишалася синами мати,
Синами вольними... Росли,
Росли сини і веселили
Старії скорбнії літа...
Аж поки іменем Христа
Прийшли ксьондзи і запалили
Наш тихий рай. І розлили
Широке море сльоз і крові...

[6, с. 209]

Художественная сторона творчества поэта чрезвычайно высоко оценивается автором книги. В первую очередь он хвалит его за умение правдиво показать жизнь простых людей, отстаивание идеала семьи и верности, а так же несомненный талант, позволивший ему оказать огромное влияние на развитие русской и украинской культуры: «Все его произведения составляют один неразделенный круг нравственных поучений, так как он поставил себе целью бороться за добро против зла. Где он держится обыденной жизни, там его мысли глубоки и поучительны, где касается строя гражданского, там попадает на распутье...» [4, с. 59]. Хотя, как уже было сказано, Свистун и рассматривал поэзию Шевченко в качестве органической части русской культуры, он, тем не менее, косвенным образом вынужден был признавать наличие у поэта

украинского национального мировоззрения, предполагавшего национальную самостоятельность украинского народа: «Шевченко знает только свою Украину и в ней два сословия: людей и панов (барингов). Но варнак из Волыни является его земляков, из чего можно сделать вывод, что Шевченко стоит на почве малорусской и всех малороссов считает «своими», когда между тем великороссы для него чужие» [4, с. 98]. В то же время отмечается полное незнание литератором Галицкой и Угорской Руси, а также подчеркивается якобы гораздо более выраженный в его мировоззрении по сравнению с национализмом панславизм: «Славянство у него гораздо более ярко отмечено, нежели малорусская национальность» [4, с. 132].

Немалое внимание в книге о Шевченко уделяется его взглядам на религию и той роли, которую его личность может и должна играть в деле воспитания галицкой молодежи. По мнению автора Шевченко, был верующим христианином, о чем свидетельствует обильное присутствие в его творчестве библейских образов и мотивов. В то же время влияние либерализма и французского позитивизма, привело его к отвержению официальной церкви и отходу от церковной ортодоксии в ряде произведений в частности в поэме «Мария». В целом, однако, жизнь и борьба поэта может вызывать только уважение: «Откровенность, с какою он представляет даже свои пороки из молодых лет,

прямодушие и скромность, проявляющаяся в его словах, ясно доказывают, что он был честным человеком. Его борьба на благо народа, из которого он произошел, его любовь к родине и пренебрежение самолюбием, заставляют каждого высоко ценить его личность, которую может гордиться целая Русь» [4, с. 126].

Несмотря на такую высокую оценку, Филипп Иванович призывал, трезво относиться к произведениям Т.Г. Шевченко, не впадая по его выражению в «излишнюю мечтательность». Особенно это, по его мнению, было опасно для молодежи, которая могла усвоить в первую очередь заложенные в них нигилистические и либеральные идеи. Не преувеличивая эту опасность, автор видит единственный выход из нее, в получении подрастающим поколением комплексного образования, позволяющего критически воспринимать литературные тексты: «Только творческий и самостоятельный ум может употребить в свою пользу толчок к нравственной жизни, данный Шевченко, ища дорогу к осуществлению идей, указанных поэтом. Для этого при чтении Шевченко нашему юношеству необходимо ознакомиться так же с поэтами,

пластически изображающими нравственные истины, к чему кроме классической словесности годится из немецких поэтов, прежде всего Гете» [4, с. 129].

Шевченко было суждено стать самым популярным и читаемым поэтом в Восточной Галиции. Каждое из двух общественно-политических течений региона — народовцы и русофилы, пыталось дать собственную интерпретацию его поэзии. Отсюда неудивительно, что такой видный представитель русофильского лагеря, как Ф. И. Свистун посвятил целое подробное сочинение личности и творчеству литератора. В нем Свистун последовательно защищал тот комплекс идей, которого придерживались русофилы, выделяя положительные и отрицательные, по его мнению, черты в произведениях Шевченко. В то же время, стремясь защитить свои национально-политические идеалы, автор всячески нивелирует антимонархические и антиимперские мотивы, содержащиеся во многих стихотворениях поэта, и выдвигает на первый план нравственные и социальные моменты, рассматривая его творчество, как неотъемлемую часть русской литературы.

Список литературы

1. Ваврик В.Р., Краткий очерк галицко-русской письменности. Лу-вен 1973, 80 с.
2. Карин А. Д., Т. Г. Шевченко и галицкие русофилы. // Славистика XXI/1–2. Белград 2017. С. 326–335 [Электронный ресурс]. URL: http://slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/Slavistika_XXI_2017.pdf
3. Свистун. Ф. И., Прикарпатская Русь под владением Австрии.

Львов. Типография Ставропигийского Института 1895, 1896. Т 1,2.

4. Свистун Ф. И., Чем есть для нас Шевченко? Львов. «Нов. Пролом», 1885, 158 с.

5. Терлецкий. О., Галицько-Руське письменство 1848-1865 рр. Львов 1903 г., с. 146.

6. Шевченко Т. Г., Кобзарь. Прага 1876. Т 1, 2.

7. Smith Anthony D. National identity, Penguin Books, 1991, 236 p.

EVALUATION OF THE PERSONALITY AND CREATIVITY OF T. G. SHEVCHENKO IN THE WORK OF F. I. SVISTUN "WHAT IS SHEVCHENKO FOR US? 1885".

The article is devoted to the study of the worldview of Philip Ivanovich Svistun, a prominent figure in the Russophile movement, and his views on the personality of T.G., Shevchenko. In his book "What is Shevchenko for us?" the famous Galician writer, historian and public figure tried to show the importance of the poet's creative heritage for the development of Ruthenian culture, education and upbringing of youth. Philip Svistun gave his interpretation of the work of the Ukrainian poet, highlighting, in his opinion, negative and put moments in his poetry. So, in his opinion, it is characterized on the one hand by deep patriotism, the idealization of the cossacks, the protection of family values and the condemnation of serfdom. On the other hand, the author emphasizes her characteristic nihilism, rebellion, as well as anti-monarchist and anti-imperial ideas deeply alien to him. Of course, this interpretation is subjective and is generally evaluative. But it is precisely this circumstance that gives particular interest to Svistun's book, since it allows a better understanding of the ideas and principles that the Russophile movement of Eastern Galicia and Bukovina defended in the period under study. In Eastern Galicia during the study period, there were two movements defending the opposite view of the identity of ruthenians. The first of them, known as muscophiles or Russophiles, insisted on the belonging of the ruthenians of Galicia to the single Russian people. The second of them considered ruthenians as part of the Ukrainian people. It was around the opposition between these movements that politics in the region largely revolved. Both russophiles and populists sought to give their interpretation of Shevchenko's literary works, extremely popular in Galicia.

Keywords: Eastern Galicia, ruthenians, national identity, Philip Svistun, Taras Shevchenko.

References

1. Vavrik V. R. (1973) *Kratkii ocherk galicko russkoi pismennosti* [A brief outline of the Galician-Russian script]. Luven.

2. Karin A. D. (2017) *T. G. Shevchenko i galickie rusofili* [Shevchenko and Galician Russophiles]. // *Slavistika XXI/1–2*. Belgrad 2017. P. 326–335. [Online] Available from: http://slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/Slavistika_XXI_2017.pdf

3. Svistun. F. I. (1895,1896). *Prikarpatskaya Rus pod vladeniem Avstrii* [Carpathian Russia under the possession of Austria]. Lvov. Tipografiya Stavropigiiskogo Instituta T 1,2.

4. Svistun F. I. (1885) *Chem est dlya nas Shevchenko* [What is

Shevchenko for us?]. Lvov. «Nov. Prolom».

5. Terleckii. O. (1903) Galicko-Ruske pismenstvo 1848-1865 rr. [Galicia-Russian Writing 1848-1865]. Lvov.

6. Shevchenko T. G. (1876) Kobzar. [Kobzar] Praga. T 1,2.

7. Smith Anthony D. (1991) National identity, Penguin Books.

Об авторе

Карин Антон Дмитриевич — соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия). E-mail: AntonKarin93@yandex.ru

Karin Anton Dmitrievich— Doctoral student, National Research Tomsk State University (Russia). E-mail: AntonKarin93@yandex.ru